

ПИСЬМО к Ленину Александра Вермишева для меня особенно ценно и интересно потому, что я, вероятно, один из очень немногих зрителей, видел пьесу, о которой идет речь.

Я знаю также, что Владимир Ильич Ленин по свойственной ему осторожности и скромности, не считая себя специалистом в вопросах искусства, передал пьесу А. Вермишева литературным специалистам (очевидно, в Наркомат просвещения). Литераторы дали отзыв не очень лестный в смысле литературных достоинств, отметив, правда, революционный энтузиазм и искренность автора.

Я почти не помню содержания пьесы «Красная правда», но я очень хорошо помню то громадное впечатление, которое производила она на зрителей красноармейцев тех лет. Именно в 1919 году она была поставлена в моем родном городе Саратове, в первом театре, носившем имя Ленина, организованном для красноармейцев Саратовским губвоенкоматом. Во главе театра стоял тогда очень талантливый и опытный любитель Щеголов-Степанов — бывший брандмайор. Группа была профессиональная. Там начинал свою театральную деятельность мой покойный брат — Виталий Бабочкин. Я тогда только еще мечтал о театральной судьбе и на правах ученика-студийца видел все спектакли этого первого в мире театра имени Ленина.

По-моему, пьеса, о которой А. Вермишев писал Владимиру Ильичу свое письмо, была вообще первой советской пьесой, поставленной на сцене. Самое ее название «Красная правда» вызывало со стороны профессиональных актеров да и со стороны части публики того времени некоторую насмешку — в названии слишком явно была выражена агитационная сущность. Может быть, именно с того времени и появилось в театральном обиходе пренебрежительное слово «агитка». Как живой свидетель я подтверждаю, что агитационный эффект пьесы был громадным. Красноармейцы — бывшие крестьяне, наполнявшие театр, принимали пьесу с восторгом, в конце спектакля возникали овации, сила которых теперь уже и забыта.

Конечно, успех этот не мог быть обусловлен только «искренностью и революционным энтузиазмом автора», на который указали в своем отзыве специалисты. Отрекомендовавший «рядовым советским работникам, малоопытным в ли-

Не хвали на 20 тысяч...

От работника транспорта коммуниста А. А. ВЕРМИШЕВА.

Дорогой вождь и товарищ Владимир Ильич.

Очень прошу уделить время и посмотреть прилагаемый труд. В дни, когда наши коммунальные театры сидят без пьес по злободневным вопросам, по той причине что «присяжные» писатели земли русской, очевидно, все еще продолжают дуться на Октябрьскую революцию, будучи оскорблены в лучших своих чувствах «свободных» жрецов литературы, или не решаются скомпрометировать свои

высокие имена, выжидая окончательного исхода всемирной борьбы классов, а может, просто вследствие полного отсутствия вдохновения... нам, рядовым партийно-советским работникам, неизвестным и малоопытным в литературе, очевидно, приходится в этой области нашего строительства проявить свои силы и энергию.

Производя работы по транспорту, я отнял у себя 7 ночей и написал эту пьесу для пролетарского театра. Для оценки посылаю Вам этот мой маленький труд...

6 апреля 1919 г.

тературе», автор пьесы проявил только необходимую в таких случаях скромность. Его литературная деятельность началась еще в тюрьме, где он сидел за участие в первой русской революции. Всего же Вермишев написал около пятнадцати пьес, много стихов, фельетонов и т. д.

«Красная правда» — последняя пьеса А. Вермишева. В сентябре 1919 года, будучи комиссаром одного из подразделений Красной Армии, Вермишев, тяжело раненный, попал в плен к денкинцам под Ельцом, прошел всю голофору истязаний и пыток и был повешен. Мне кажется, что в своей «Красной правде» он как бы предсказал свою героическую гибель. Насколько я помню, судьба героя пьесы похожа на судьбу ее автора.

В общем подвиге народа, выигравшего Октябрьскую революцию, труд автора «Красной правды», вероятно, был всего только песчинкой. Но можно быть уверенным, что эта песчинка вошла навеки в фундамент громадного сооружения, имя которому — социализм. Революционный пламень первой советской пьесы вспыхнул потом в лучших произведениях советской драматургии. Б. Ромашов написал «Федьку-есаула», А. Сейфуллин — «Виринею», Б. Лавренев — «Разлом», Е. Яновский — «Ярость», Вс. Вишневский — «Первую Конную», «Оптимистическую трагедию», Н. Погодин — «Темп» и «Поэму о топоре», А. Афиногенов — «Чудака» и «Страх», А. Корнейчук — «Гибель эскад-

ры». Можно вспомнить немало других прекрасных пьес в полной мере революционных, а значит, и агитационных.

Зрительный зал советского театра за эти полвека очень изменился. Два месяца назад в День Советской Армии я играл в шефском спектакле для воинов Советской Армии. Перед нами была очень чуткая, в высшей степени квалифицированная и умная, культурная публика — наша молодежь. И с точки зрения художественного восприятия спектакля, мало что общего было в этой тонкой, даже несколько склонной к скептицизму аудитории со зрительным залом саратовского театра второго года революции.

Не забывают ли об этом многие наши драматурги, с их претензиями захватить современный зрительный зал сухими и схематическими выкладками, идеологически, может быть, и верными, но лишенными искренности, революционного энтузиазма и размаха, написанными с холодным сердцем. Не забывают ли о своем первом гражданском долге перед народом некоторые талантливые драматурги, вырывающие своих ущербных и обиженных героев из общего потока нашей великопленной создающей жизни и этим самым просто оглуляющие своих героев, так как они не способны охватить взглядом далекий горизонт и их точка зрения становится, по горьковскому выражению, «кочкой зрения»?

Чем же руководствуются театры, а вернее их директора и главные режиссе-

ры, принимающие к постановке явно слабые и заранее обреченные на провал пьесы? Ведь, как правило, такие пьесы принимаются вопреки мнению коллектива, а иногда несмотря даже и на предостережения и протесты художественного совета. На кого же опираются и на что рассчитывают руководители театров в таких случаях? Кто поддерживает такие решения? Видимо, им трудно отказать себе в удовольствии доложить, что в планах такого-то театра есть такое-то качество пьес на современную тему. Ведь пока эти пьесы стоят только в планах театра, они довольно хорошо выглядят, и действительно написаны они на современную тему. А то, что потом на сцене эти пьесы будут выглядеть уже гораздо хуже, и современная тема в таких пьесах иногда будет просто дискредитирована — это уже «детали»... Меня очень беспокоит этот процесс снижения качества советской драматургии.

Нам надо быть выскальней. Товарищам, работающим в отделах литературы и искусства наших газет и журналов, я бы со всей скромностью осмелюсь напомнить одну реплику из «Ревизора»: «Кто тебе помог сплутовать, когда ты строил мост и написал дерева на двадцать тысяч, тогда как его и на сто рублей не было?»

Да, на двадцать тысяч было написано похвал по поводу постановки в Малом театре пьесы Касумова «Человек бросает якорь». Вполне понятно, конечно, желание поддержать начинание театра, впервые ставящего на московской сцене пьесу азербайджанского драматурга, так же, впрочем, как и драматурга любой другой республики. Мы верим в творческие силы художников наших братских республик. Мы преклоняемся перед творчеством Сарьяна, Кара-Караева, Тычины, Рыльского, Межелайтиса, Айтматова... Но значит ли это, что нужно «писать» деревья на двадцать тысяч даже в тех случаях, когда «его и на сто рублей не было»?

Не в результате ли такой странной, хотя и исходящей порой из благих намерений конъюнктуры рецензентов, создается неожиданная конъюнктура в

зрительской среде: публику начинают прежде всего и больше всего интересоваться спектакли, обруганные прессой, а к расхваленным она начинает относиться с большой осторожностью.

Итогом такой позиции критики является довольно основательная надежда на то, что следующая пьеса может оказаться и еще более слабой.

Недавно в ВТО на расширенном заседании президиума обсуждался вопрос о том, как театры должны помогать авторам в написании пьес. Делились опытом, и, несмотря на странную постановку вопроса, даже высказывали интересные, хотя, по-моему, не конструктивные мысли. Но самым правильным и интересным, с моей точки зрения, было выступление драматурга Шatroва. Он сказал, что лучшей и единственной помощью театра драматургу будет повышение требований театра к тому, что драматург пишет. От себя я бы добавил: да, повышение требований к художественному качеству пьесы вне зависимости от злободневности и актуальности темы. И повышение требований тем большее, чем важнее тема. А не индальгенция за любые художественные грехи, лишь бы тема пьесы была злободневной и прогрессивной. Такая индальгенция для драматурга обидна, а для драматургии — вредна. Весь пятидесятилетний опыт советского театра — лучшее тому доказательство.

Конечно, странно было бы предъявлять какие бы то ни было претензии к людям, занимающимся драматургией, не имея на это достаточного права по простой причине недостатка таланта. Но очень хотелось бы, чтоб те драматурги, в талантливости которых никто не сомневается, к приближающемуся 50-летию Советской власти, к 100-летию со дня рождения Ленина мобилизовали бы свои силы, свой опыт, запас жизненных наблюдений и размышлений по поводу великого пути, пройденного советским народом за последние полвека, и создали бы произведения, достойные советского театра и талантливого советского народа.

Борис БАБОЧКИН,
народный артист СССР.